government. M. E. Sharpe Inc, 2007.
4. DMA launches “Musharaka” the first knowledge management framework within government entities // Department Of Municipal Affair (Emirate of Abu Dhabi). 2009. URL: http://dma.abudhabi.ae/en/news/dma.km.workshop.arq.aspx (дата обращения: 14.10.2010).
5. *Zaharova S., Zelmene K.* Knowledge management in delivering customer oriented services in public sector // Knowledge management in electronic government. Springer, 2004. P.37-46.
6. *Макдермот Р., Арчибальд Д.* Какой прок от профессиональных сообществ? // Harvard Business Review Россия. 2010. Июнь-июль. С.82-89.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ (на примере Финляндской Республики)

Евгений СУСЛОВ

кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии Марийского государственного университета

Исходя из определения политики, мы воспринимаем политические конфликты как инвариантную составляющую политического процесса, поскольку в его основе лежит борьба за власть и за контроль над распределением ресурсов. Образ эпохи определяется тем, какие конфликты господствовали в те или иные времена. Век даже относительно регулируемых конфликтов отличается отсутствием крупных войн, революций и других социальных потрясений, что создает оптимальные условия для достижения социально значимых целей.

В тех странах, где институционализация политического (социального) конфликта понимается как стратегия управления противоречиями, устанавливающая жесткие правила игры для противоборствующих сторон, которые воспринимают политический конфликт как необходимое условие свободной и упорядоченной состязательности и своим адекватным поведением способствуют его легитимации в общественном сознании, социальная напряженность не достигает параметров, разрушающих целостность политической системы. Дело в том, что политическая стабильность достигается не путем использования государством монопольного права на легитимное насилие, а вполне щадящими политическими средствами, в арсенале которых не блокирование или «замораживание» процесса протекания конфликта, а поиск и нахождение новых возможностей управления им.

Поскольку институционализация политического конфликта (ИПК) предполагает прежде всего установление легитимных норм поведения, обусловленных согласием участников конфликтного взаимодействия, необходимо определиться с акторами и объектами ИПК.

Акторами институционализации политического конфликта выступают рационально мыслящие и квалифицированные представители элиты, имеющие высокий уровень общественной поддержки и контроля. При этом они могут представлять как действующую политическую власть, так и адекватную оппозицию и критически настроенную часть общества. Иными словами, это – авторитетные люди, снискавшие доверие и уважение сограждан в профессиональной и общественно значимой сферах деятельности. Объектами ИПК в условиях демократического политического режима (либо переходного – от авторитарного к демократическому) являются, в широком смысле, государство и гражданское общество, пребывающие в перманентных конфликтно-консенсусных отношениях. В узком – это институты государства и гражданского общества (президент, правительство, парламент, суды, политические партии, общественные организации, профсоюзы, церковь и др.) В случае, когда конфликт имеет международный характер, акторами его институционализации являются субъекты мировой политики – великие державы и международные политические институты. Объектами – суверенные государства.

Ход и результат институционализации политического конфликта связан с выбором формы правления, который представляет собой сложную политическую задачу, поскольку на него оказывают влияние такие факторы, как предшествующая институциональная политическая конструкция страны и внутриэлитная консолидация. Как пишет И. Тарасов, со ссылкой на Д. Найта, момент выбора (принятия решений) характеризуется неопределенностью целого ряда существенных аспектов: того, какие альтернативы доступны в данный момент; последствий выбора из данных альтернатив; выбора взаимодействующих субъектов; будущих предпочтений; альтернатив, которые могут стать доступными в будущем; будущих последствий выбора из имеющихся альтернатив [1, с.36]. Надо признать, диапазон выбора, как правило, небольшой. В его основе лежит альтернатива между импортом «чужих» институтов и предпочтением тех институциональных образцов, которые были достоянием исторического прошлого страны.

С позиций системного подхода тип политического конфликта, сценарий разрешения либо снижения его остроты предопределяется той средой, состояние которой находится в прямой зависимости от типа политического режима как средоточия наиболее типичных методов функционирования политических институтов, используемых ими властных ресурсов.

Политические институты в структуре демократического государства, исторически складываясь, представляют собой определенный институциональный дизайн в виде традиционных и модернизационных элементов политической системы, создающий условия для институционализации политических конфликтов.

Выбранная для анализа этих процессов Финляндская Республика – постимперское государство, достигшее суверенитета и демократии в результате острейшей политической коллизии – крушения Российской империи. После окончания Второй мировой войны Финляндия приобрела статус нейтральной страны, что также способствовало совершенствованию институционального дизайна ее политической системы.

Современная политическая практика этого государства свидетельствует, что здесь начиная с 1974 г. по настоящее время не было попыток неконституционной смены власти или государственных переворотов [2, с.529]. Не вызывает опасений у мирового сообщества и ситуация с уровнем конфликтогенности и расколов.

Постимперская траектория развития Финляндии оказалась успешной. Приобщение суомолайсет (так финны называют себя) к демократическим институтам происходило еще в условиях Российской империи. До этого финны и шведы более 600 лет были подданными шведского короля, и общая история не могла не оставить глубокого следа в виде культурных феноменов западного образца и институциональных предпочтений. В Финляндии некоторые правовые нормы Общешведского уложения 1734 г. до сих пор сохраняют свою силу [3]. Финские территории, оказавшиеся в со-

ставе России с 1809 г. в результате военных побед русских над шведами, получили особый статус и стали именоваться Великим княжеством Финляндским. На этих землях сохранилась эффективная система управления, основу которой составил Императорский Финляндский сенат. Тем самым для регулирования присущей процедуре присоединения конфликтогенности был сохранен системный механизм поддержания устойчивости государственности.

В качестве мотивации к институционализации конфликта можно расценить политический расчет русского императора, направленный на сохранение автономии этой территории: «Александр I хотел обезопасить северные границы, создать надежную систему защиты столицы и поэтому предоставил Финляндии такую степень самостоятельности, какой не было на других присоединенных к России территориях» [4, с. 46]. Сам процесс приобретения автономии сопровождался в финском обществе пониманием того, что без соперничества, конкуренции в рамках разумного с имперской административной машиной нельзя реализовать идею независимости. И когда в декабре 1917 г. Финляндия стала обладателем статуса независимости, то в наличии уже был почти весь набор средств суверенной государственности, способный обеспечить функционирование механизма ИПК. Внутри страны это – невозможность захвата власти одной политической силой ввиду наличия конкурентной многопартийной системы, ставшей реальностью еще до революции. За пределами страны – признание международной правосубъектности, обеспечивающей государственный суверенитет, и наличие собственных вооруженных сил (гвардии), которые Финляндии разрешено было иметь еще с 1878 г.

В политическом отношении Финляндия оказалась уникальной страной. По результатам Первой мировой войны ряд европейских государств приобрели статус самостоятельности, закрепив его в своих конституциях, но только финны сохранили его на протяжении всей последующей истории.

Финляндии, как и России, не удалось избежать гражданской войны, однако классовое противостояние здесь не было столь масштабным и продолжительным, как в бывшей метрополии. Такому стечению обстоятельств способствовало несколько факторов. «Вожди красной Финляндии стремились не к диктатуре пролетариата, как то предполагало ленинское учение о государстве, но к парламентской демократии, основывающейся на принципе национального суверенитета. В Финляндии революционеры были социал-демократами, а не большевиками. В этом смысле попытка ниспровержения власти рабочим движением Финляндии отличается от большевистской революции в России и от попыток переворота, предпринятых в Центральной Европе» [5, с.138].

После неудачной попытки приобретения Финляндией статуса королевства альтернативы республике не было. Вопрос состоял в соотношении исполнительной и представительной власти. Влияние потерпевших поражение монархистов отразилось на содержании Акта о форме правления, принятого в июле 1919 г. Этот документ явно отдавал предпочтение исполнительной власти в лице президента республики, что было уступкой монархистам, и демонстрировало готовность приверженцев республиканской формы правления к необходимому в процессе институционализации конфликта поиску политических механизмов сдержек и противовесов.

Утвердившаяся форма правления, соединившая в себе президентскую (по американскому образцу) и парламентскую (по британскому образцу) формы правления, представляла собой уникальную конструкцию, доселе не известную мировой конституционной теории и практике. Президент имел даже больше власти, чем глава государства в президентской республике. Он с помощью указов создавал статутное право, в рамках которого не было четкого разделения между законами и указами.

В первые годы институт президентства не отличался жесткостью. Скорее наоборот: первый президент Финляндии К. Столберг и его сторонники стремились к установлению согласия в обществе. Об этом свидетельствует, например, принятие в 1920 г. нового закона об амнистии, в соответствии с которым 3,6 тыс. заключенных («красных» финнов) были освобождены условно-досрочно и более чем 40 тыс. ранее освобожденным возвращено гражданское доверие [5, с.165]. Важно, что импульсы институционализации идеологического конфликта шли от лидеров общественного мнения, которые психологически – после тягот войны – стремились к миру и согласию ради будущего страны. Подобные действия властей формировали такой климат общественного мнения, в атмосфере которого «растапливался лед» классовой ненависти и создавались условия для трансформирования конфликта политических идеалов (ценностей) в конфликт политических интересов, что минимизировало уровень конфликтности в обществе.

Конфликт интересов, публично сопровождающий политический процесс в демократическом государстве, выражался в том, что группы интересов оказывали серьезное влияние на высшие органы власти, и это способствовало соблюдению баланса интересов участников политического процесса. При этом некоторые неформальные сообщества были модернизационными элементами политической системы. Среди них выделялись такие военизированные организации, как шюцкор, Лапуаское движение, «Лотта Свярд». Шюцкор занимал наиболее влиятельное положение. С ним было связано само появление независимого Финляндского государства.

Тип политического режима в Финляндии, складывавшийся в довоенный период, трудно отнести к демократическому. Как отмечает М. Могунова, метод правления, существовавший до 1944 г., можно охарактеризовать как полудемократический [4, с.57], или как полуавторитарный режим со свойственной ему тенденцией к сосредоточению власти в руках президента. Увеличение властных полномочий правительства, как правило, из соображений усиления эффективности управления автоматически приводило к ущемлению демократических прав и свобод граждан. Была принята целая серия антидемократических законов.

Таким образом, институциональный дизайн политической системы менялся вместе с коррекцией средств и методов функционирования политического режима, что приводило к деформации системы институционализации политических конфликтов. В данном случае – государственно-правового конфликта.

Эти процессы, связанные с временным отказом от сложившихся правил игры в конфликте, намеренным нарушением баланса сил между противоборствующими сторонами и, наконец, попытками делегитимации конфликта, есть деинституционализация политического конфликта. Они же с течением времени, демонстрируя положительную функцию конфликта, способствуют возвращению к прежнему положению, что можно назвать реинституционализацией политического конфликта. Последующее развитие событий подтвердит эту закономерность.

«Зимняя война» 1939–1940 гг. не внесла заметных изменений во внутренний институциональный дизайн политической системы страны, однако она подвергла проверке на функциональную прочность взаимодействие политических институтов. Внешняя военная опасность упрочила взаимодействие государственных институтов и институтов гражданского общества. В результате войны Финляндия потеряла десятую часть своей территории, однако ее достоянием стало идеологическое сплочение нации. Этот факт был зафиксирован в январском манифесте 1940 г.

«Зимняя война» разрушила один из сегментов международной системы институционализации политических конфликтов. Она, в сущности, сигнализировала, что политический конфликт вышел из-под контроля – наступил период его деинститу-

ционализации. СССР был исключен из Лиги Наций за действия, направленные против Финляндии. Сама Лига не смогла стать эффективным международным актором институционализации европейских межгосударственных конфликтов.

Видимых изменений в архитектуре политических институтов страны не произошло и во время войны 1941–1944 гг. Существовавшая институциональная подсистема в структуре политической системы показала состоятельность прежде всего государства как центрального института подсистемы в соприкосновении с недружественной военно-политической средой. Поэтому главным результатом войны стало сохранение политической системы и конституции в неизменном виде, несмотря на попытки ее «советизации».

Крайне сложное послевоенное экономическое положение страны вновь требовало усиления исполнительной власти, что выразилось в передаче парламентом (Эдускунтой) правотворческих полномочий по экономическим вопросам главе государства. Статутное право действовало вплоть до 60-х годов. Эта ситуация на фоне агрессивной среды, создаваемой усилиями инициаторов «холодной войны», вновь реанимировала процессы деинституционализации политического конфликта. Однако, как уже отмечалось, в условиях демократической политики после непродолжительной рецессии конфликтно-консенсусных политических отношений происходит реинституционализация политических конфликтов.

В этих условиях акторами реинституционализации стали институты гражданского общества, и прежде всего профсоюзы [3, с.131]. Включение в процесс ИПК негосударственных акторов способствует отправлению власти (регулированию конфликтов) преимущественно ненасильственными методами, что составляет одну из основ стратегии управления конфликтами. При этом, наблюдая готовность власти воспринимать артикулируемые лидерами общественного мнения интересы граждан, массовая аудитория структурировалась таким образом, что в общественном сознании происходила легитимация социально-политического конфликта.

Усиление власти президента достигло апогея к 80-м годам прошлого века. Во многом это было связано с личностью президента страны У. Кекконена, который беспрецедентно долго занимал эту должность. Конституция страны как ключевой элемент нормативной подсистемы не содержала четко прописанных положений о полномочиях президента, поэтому У. Кекконен интерпретировал их шире, чем его предшественники. Только при президенте М. Койвисто, уступившем часть своих полномочий в сфере внутренней политики, стали возможны конституционные реформы. Так, поправка, принятая в 1987 г., устанавливала ограничения на занятие должности президента двумя сроками подряд. Другая поправка была принята в 1991 г. и вводила прямые выборы президента, что предполагало его дистанцирование от политических партий и приближение к избирателям. Поправки были продиктованы соображениями упрочения демократии. Ведь даже минимальный демократический инвариант предполагает наиболее экономное разрешение естественных конфликтов, которые сталкивают между собой людей и социальные группы [6]. В конфликтологическом смысле комплекс новых конституционных норм, ограничивавший в целом компетенцию высших государственных органов, перемещал в публичную сферу совокупность латентных политических конфликтов, которые становились объектом регулирования для системы институционализации политических конфликтов.

Превалирующим фактором парламентаризации финляндской политической системы стал распад СССР, который показал, что более нет необходимости в сохранении сильной президентской власти. Существенное влияние оказывала и политическая культура элит как акторов институционализации конфликтов, которая начала стремительно меняться в парламентском направлении [7, с.251]. И это зримо повышало значимость наиболее заметных представителей политической элиты.

Подводя итог исследованию, отметим, что:

– для становления демократического государства институционализация политических конфликтов является наиболее вероятной формой сохранения государственности;

– акторами институционализации политического конфликта выступают рационально мыслящие и квалифицированные представители элиты, артикулирующие интересы правового государства и гражданского общества;

– после обретения статуса независимости кумулятивным средством обеспечения институционализации политического конфликта становятся: конкурентная многопартийность и признание за страной международной правосубъектности, позволившее сохранить государственный суверенитет;

– процесс институционализации политического конфликта подвержен колебаниям под воздействием факторов международного, экономического, институционального и нормативного характера, которые ведут к деинституционализации конфликта, но вследствие действий акторов институционализации происходит реинституционализация политического конфликта;

– сложившаяся структура отношений в политической системе координат «президент – правительство – парламент» представляет собой эффективно функционирующую систему разделения властей, где функция управляющего параметра принадлежит парламенту, создающему условия для институционализации политического конфликта.

Таким образом, изучение эволюции политической системы Финляндии показало, что динамическая институционализация политического конфликта – реальный инструмент обеспечения устойчивости государственности. По признанию самих финнов, в течение двух последних столетий общекультурное взаимодействие России и Финляндии проходило с явным перевесом российского влияния над финским. Сегодня исследование позитивного опыта Финляндии в такой специфической сфере, как урегулирование политических конфликтов, способствует установлению более равновесных и плодотворных политических взаимоотношений наших стран и народов. Анализ исторического опыта может быть весьма полезным для прогнозирования угроз и рисков, возникающих в процессе глобализации крупных геополитических регионов, включая субъекты, расположенные на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Тарасов И.Н.* Политические институты и практики посткоммунизма в Центрально-Восточной Европе / Под ред. А.Н.Николаева. Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 2009.
2. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: в 4 т. Т.1: Европа / МГИМО (у) МИД России, ИНОП; гл. редактор А.В. Торкунов; М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009.
3. *Песонен П., Риихинен О.* Динамичная Финляндия. Санкт-Петербург: Изд-во «Европейский Дом», 2007.
4. *Могунова М.А.* Государственное право Финляндии. М.: ОАО «ИД «Городец», 2005.
5. *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809-2009/ Предисл. Ю.С.Дерябина. М.: Изд-во «Весь мир», 2010.
6. *Мельвиль А.Ю.* Одна или много? Путь от авторитаризма к демократии оказался извилистым // Независимая газета. 2006. 18 апреля.
7. *Зазнаев О.И.* Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань: КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006.